

Российская Федерация

Вопросы, вызывающие озабоченность Международной Амнистии, и рекомендации по делу Михаила Трепашкина

Краткое изложение дела и рекомендации

В мае 2005 г. адвокат и бывший сотрудник КГБ и ФСБ (Федеральной службы безопасности) Михаил Трепашкин был признан виновным российским военным судом в «разглашении государственной тайны» и «незаконном хранении оружия» и приговорён к четырём годам лишения свободы. «Международная Амнистия» испытывает озабоченность в связи с тем, что Михаилу Трепашкину, находящемуся в настоящий момент в исправительной колонии, отказывают в необходимом медицинском лечении, и что он подвергается жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению со стороны администрации колонии в качестве меры, являющейся частью более масштабных усилий, направленных на запугивание Михаила Трепашкина, с тем чтобы он отозвал свои жалобы в отношении российских властей относительно его уголовного осуждения и обращения с ним в заключении. Более того, существуют серьёзные основания полагать, что уголовное преследование в отношении него было политически мотивированным, и что обращение с ним носило дискриминационный характер, когда он подвергся повторному аресту, последовавшему за его условно-досрочным освобождением, что явилось явным нарушением российских процедур. «Международная Амнистия» также обеспокоена тем, что Михаил Трепашкин подвергался жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в условиях предварительного заключения, а также запугиванию в попытке убедить его отозвать свои жалобы на условия его содержания под стражей.

С учётом наличия серьёзных оснований полагать, что в деле Михаила Трепашкина была допущена несправедливость ввиду вмешательства исполнительной власти в работу системы уголовного судопроизводства, «Международная Амнистия» призывает к проведению незамедлительного, беспристрастного и тщательного расследования всех указанных заявлений и к полному пересмотру дела в соответствии с международными стандартами справедливого судебного разбирательства. «Международная Амнистия» убеждает российские власти освободить Михаила Трепашкина в ожидание пересмотра его дела. «Международная Амнистия» также призывает российские власти немедленно предоставить Михаилу Трепашкину всю необходимую медицинскую помощь, а также обеспечить соответствие условий содержания для всех заключённых, находящихся в исправительной колонии ИК-13, в том числе и в ШИЗО, международным стандартам, таким как *Стандартные минимальные правила ООН, касающиеся обращения с заключёнными*. Российские власти должны также обеспечить тому, чтобы тюремные власти не предпринимали попыток запугивания заключённых с целью заставить их отозвать свои жалобы в отношении российских властей в связи с их уголовным осуждением или обращением с

ними в условиях заключения. Любые обвинения в запугивании должны незамедлительно, беспристрастно и тщательно расследоваться.

Основания, по которым уголовное преследование Михаила Трепашкина может рассматриваться в качестве политически мотивированного, предполагаемые нарушения процедуры справедливого судебного разбирательства и озабоченность относительно условий содержания в ходе предварительного заключения

Согласно информации, имеющейся у «Международной Амнистии», Михаил Трепашкин около 20 лет являлся сотрудником российских служб безопасности, КГБ и ФСБ. В 1997 г. он был уволен из рядов службы, предположительно, за отказ не разглашать информацию о раскрытом им деле, связанном с коррупцией, к которому были причастны высокопоставленные сотрудники ФСБ. Впоследствии Михаил Трепашкин предал огласке указанную информацию.

В качестве консультанта независимой комиссии, созданной с целью проведения расследования обстоятельств взрывов жилых домов в Москве в 1999 г., возглавляемой депутатами Государственной думы Сергеем Ковалёвым и ныне покойным Сергеем Юшенковым, Михаил Трепашкин продолжал расследовать деятельность ФСБ. В частности, ему было поручено провести расследование в связи с утверждениями о причастности службы безопасности к указанным взрывам, вину за которые власти возложили на чеченских сепаратистов. С середины 2002 г. Михаил Трепашкин также действовал в качестве юридического представителя семьи одной из жертв взрывов жилых домов в 1999 г.

В январе 2002 г. в результате обыска, произведённого у него дома сотрудниками правоохранительных органов, предположительно были обнаружены патроны и служебные документы, имевшие отношение к работе Михаила Трепашкина в КГБ и ФСБ. В феврале был произведён ещё один осмотр дома. По словам Михаила Трепашкина и его адвоката, официальный протокол осмотра был сфабрикован таким образом, чтобы в нём указывались в качестве обнаруженных в доме Михаила Трепашкина такие документы, которых, на самом деле, у него не было. Утверждается, что эти документы появились в материалах дела лишь в декабре 2002 г. и они послужили основанием для его последующего осуждения. В феврале 2002 г. Михаил Трепашкин был вызван в Военную прокуратуру для первоначального допроса в качестве подозреваемого по уголовному делу о «разглашении государственной тайны» (статья 283, часть 1 Уголовного кодекса РФ) и «незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов... взрывчатых веществ или взрывных устройств (статья 222, часть 1). В июле 2002 г. в Москве состоялось первое публичное слушание независимой комиссии по расследованию взрывов жилых домов с участием, посредством телемоста, лиц, находившихся в то время в Лондоне. После этого, по словам его адвоката, Михаил Трепашкин вызывался на допросы почти ежедневно. В марте 2003 г. к делу было добавлено новое обвинение - в «злоупотреблении должностными полномочиями» (статья 285, часть 3), и Михаилу Трепашкину были предъявлены обвинения по всем

трём статьям. В сентябре 2003 г. Верховный Суд отложил рассмотрение данного дела на неопределённый срок.

Тем не менее, 22 октября 2003 г., за неделю до того, как Михаил Трепашкин должен был выступать в суде в качестве представителя одной из жертв взрывов жилых домов в 1999 г., он был арестован и заключён под стражу. Михаил Трепашкин являлся единственным «независимым» лицом на данном процессе, и он должен был представить информацию, касающуюся предполагаемой причастности ФСБ к указанным взрывам. 22 октября Михаил Трепашкин был остановлен сотрудниками ГИБДД на шоссе под Москвой. Он был арестован после того, как был произведён осмотр его машины, в ходе которого, как утверждается, был обнаружен пистолет. Михаил Трепашкин был помещён под стражу в изолятор временного содержания (ИВС) Управления внутренних дел г. Дмитрова, и в отношении него было возбуждено уголовное дело по статье 222, части 1 Уголовного кодекса РФ о «незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.» Более того, Михаил Трепашкин и его адвокат не были проинформированы о том, что на 31 октября 2003 г. было назначено судебное слушание по вопросу о законности его содержания под стражей, и, следовательно, они не смогли на нём присутствовать. В ходе этого слушания судья постановил освободить Михаила Трепашкина под залог, признав незаконным возбуждение в отношении него уголовного дела, поскольку это было сделано без санкции суда (российская уголовная процедура предусматривает судебную санкцию для возбуждения следственных действий в отношении лица, являющегося адвокатом). Однако, 5 ноября Дмитровский суд отменил это решение.

Михаил Трепашкин был затем помещён в СИЗО в г. Волоколамске Московской области, откуда в декабре 2003 г. он был переведён в СИЗО «Матросская тишина». Представленное им описание условий содержания в указанных учреждениях предварительного содержания, в совокупности с последующей информацией, полученной «Международной Амнистией», указывают на то, что условия содержания в этих местах лишения свободы равносильны жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию. Насколько нам известно, условия содержания Михаила Трепашкина под стражей изложены в его заявлении в Европейский суд по правам человека. По словам Михаила Трепашкина, он подвергался запугиванию со стороны администрации СИЗО «Матросская тишина» в попытке убедить его отказаться от подачи жалобы в Европейский суд по правам человека относительно условий его заключения.

1 декабря 2003 г. Московский окружной военный суд провёл предварительное слушание по обвинениям о разглашении государственной тайны и незаконном хранении боеприпасов. Суд вынес решение о замене действовавшей в отношении Михаила Трепашкина меры пресечения в виде подписки о невыезде заключением его под стражу до суда. Таким образом, несмотря на то что Дмитровский городской суд отказался удовлетворить ходатайство прокурора о продлении срока содержания Михаила Трепашкина под стражей до суда по второму уголовному делу, связанному с

хранением боеприпасов, он, тем не менее, оставался под стражей в связи с первым уголовным делом. Позже 19 мая 2004 г. Московский окружной военный суд признал его виновным по статье 283, части 1 о «разглашении государственной тайны» и статье 222, части 1 о «незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.» Все судебные слушания по делу в отношении Михаила Трепашкина были закрытыми, за исключением публичного оглашения вынесенного ему приговора. Он был приговорён к четырём годам лишения свободы в колонии-поселении. Обвинения по статье 285, части 3, были переквалифицированы в обвинения по части 1 той же статьи, а затем сняты. По утверждению адвоката Михаила Трепашкина, эти последние обвинения были включены в дело с целью запугивания Михаила Трепашкина, так как максимальная продолжительность срока лишения свободы, предусматриваемая данной статьёй, равна 10 годам. Михаил Трепашкин и его адвокат настаивают на том, что патроны были ему подброшены в ходе обыска в январе 2002 г., и что многие из документов, якобы, обнаруженных во время обыска, никогда ему не принадлежали, а что другие хранимые им дома документы не содержали государственных секретов.

Насколько известно «Международной Амнистии», Международная комиссия юристов обратилась с просьбой разрешить ей присутствовать на судебном процессе, но её просьба либо не была удовлетворена, либо осталась без ответа. 12 января 2004 г. адвокат Михаила Трепашкина обратилась в Московский окружной военный суд с ходатайством о выдаче разрешения независимым наблюдателям – российским и международным – присутствовать на процессе. Суд отказал в этой просьбе, назвав процесс «закрытым» в соответствии со статьёй 241, частью 2 1) российского Уголовно-процессуального кодекса, допускающей закрытое судебное разбирательство в случаях, когда «разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны», в качестве исключения к общему правилу, согласно которому разбирательство уголовных дел во всех судах должны быть открытыми. По словам адвоката, все судебные заседания по данному делу были закрытыми по той причине, что одно из предъявленных Михаилу Трепашкину обвинений касалось статьи 283. Однако, казалось бы, что другие обвинения до данному делу, а именно по статьям 222 и 285, не предусматривают закрытого характера судебных слушаний. По словам адвоката Михаила Трепашкина, тот факт, что слушания были закрытыми создавало трудности для обеспечения адекватной защиты Михаила Трепашкина, поскольку адвокат не могла выносить из зала суда никаких документов.

Таким образом, «Международная Амнистия» обеспокоена в связи с наличием серьёзных оснований, указывающих на то, что Михаил Трепашкин был арестован и осуждён в результате несправедливого судебного разбирательства на основании сфабрикованных и, возможно, политически мотивированных уголовных обвинений. Синхронность проведения в отношении него уголовного расследования, его ареста по обвинению в хранении оружия, по которому впоследствии был оправдан, предположительная фабрикация обвинений в отношении него, процедурные нарушения в период содержания под стражей до суда, рассмотрение его дела закрытым военным

судом, в своей совокупности, являются сильным аргументом в пользу того, что Михаил Трепашкин стал жертвой политического преследования со стороны некоторых ведомств российской правоохранительной системы, с целью воспрепятствовать ему продолжать расследовательскую и юридическую деятельность в связи с взрывами жилых домов в Москве и других городах в 1999 г.

Право на справедливое судебное разбирательство и свободу от пыток и жестокого обращения являются основными правами человека. Право на справедливое судебное разбирательство включает в себя общее правило, по которому судебные слушания должны быть открытыми для публики. Комитет по правам человека заявил о том, что публичность судебных слушаний является важной гарантией защиты интересов частных лиц и общества в целом (Замечание общего порядка 14). Статья 14.1 МПГПП гласит: «каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Печать и публика могут не допускаться на всё судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе.» Учитывая фундаментальный характер права на справедливое судебное разбирательство, российские власти должны обосновать легитимность отказа в публичном судебном разбирательстве, а также насущную необходимость ограничения указанного права. По всей видимости, закрытый характер всех слушаний по данному делу, а не только тех, которые касались статьи 283, не удовлетворяет требованию необходимости и соразмерности.

Подобным образом, несмотря на то что, при исключительных обстоятельствах, гражданские лица могут быть судимы военным судом, требование согласно международному праву, предусматривающее, что суды и трибуналы должны быть компетентными, независимыми и беспристрастными, относится ко всем судам, включая военные. Мы принимаем к сведению то, что Комитет ООН по правам человека заявил, что рассмотрение дел гражданских лиц военными судами «могло бы привести к серьёзным проблемам в том, что касается справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия,» а также, что «рассмотрение гражданских дел такими судами может осуществляться на весьма исключительной основе и проводиться в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14 (МПГПП)». «Международная Амнистия» оспаривала тот факт, что суд, рассматривавший дело в отношении Михаила Трепашкина, удовлетворял международным стандартам независимости и беспристрастности; а также то, что данное дело являлось «весьма исключительным», и что судьи военного суда были независимы от вышестоящих лиц в ходе слушания дела и при вынесении приговора.

После вынесения Михаилу Трепашкину обвинительного приговора 19 мая 2004 г. он оставался под стражей в ожидании судебного разбирательства по второму уголовному делу в отношении него, имевшему место 15 апреля 2005 г. В связи с этим вторым делом Дмитровский городской суд признал Михаила Трепашкина виновным в незаконном хранении оружия и приговорил его к двум годам лишения свободы. Однако, 1 июля 2005 г. Московский областной суд отменил этот обвинительный приговор и

полностью снял с Михаила Трепашкина данное обвинение. Михаил Трепашкин постоянно настаивал на своей невиновности и заявлял о том, что пистолет был ему подброшен во время обыска в его машине. 27 июля 2005 г. Михаил Трепашкин был переведён в колонию-поселение ИК-13, расположенную под Нижним Тагилом в Свердловской области.

Явно дискриминационное обращение вслед за условно-досрочным освобождением

19 августа 2005 г. Нижне-Тагильский районный суд предоставил Михаилу Трепашкину условно-досрочное освобождение. Михаил Трепашкин отбыл треть назначенного ему срока, что согласно статье 79 российского Уголовного кодекса, является необходимым минимальным сроком фактического отбытия наказания для лиц, осуждённых за преступления, которые квалифицируются в качестве преступлений незначительной или средней тяжести. Это решение вступило в силу 29 августа, и 30 августа он был освобождён. По словам адвоката Михаила Трепашкина, решение об условно-досрочном освобождении не содержало никаких особых условий, которые Михаил Трепашкин должен был бы выполнить.

31 августа, по прибытии в Москву, Михаил Трепашкин заявил о том, что он будет продолжать свое расследование, касающееся взрывов жилых домов, и на пресс-конференции 2 сентября объявил о создании комитета адвокатов. Также 31 августа исполняющие обязанности прокуроров Нижнего Тагила и Свердловской области обратились в Нижне-Тагильский городской суд с просьбой об отмене решения об условно-досрочном освобождении; это представление было сделано позже установленного российским законодательством предельного 10-дневного срока. Они настаивали на необходимости обновления предельного срока подачи апелляции на том основании, что имела место задержка с получением ими документов из суда.

16 сентября Свердловский областной суд (суд третьей инстанции) удовлетворил представление прокуратуры и отменил решение об условно-досрочном освобождении. Документы были вновь направлены в суд первой инстанции для проведения повторных слушаний по ходатайству об условно-досрочном освобождении. Однако 18 сентября до начала повторных слушаний Михаил Трепашкин был задержан у себя дома в Москве представителями правоохранительных органов, не являвшихся сотрудниками милиции, а затем машиной доставлен в СИЗО в г. Екатеринбурге – всё это было произведено при отсутствии ордера на его арест и без судебного решения о заключении его под стражу в СИЗО. 21 сентября он был переведён в исправительную колонию ИК-13. Первоначально он был помещён в штрафной изолятор (ШИЗО), что является рутинной процедурой при приёме вновь прибывших заключённых, после чего его перевели в обычное тюремное помещение. 24 ноября состоялось повторное слушание по ходатайству об условно-досрочном освобождении, в ходе которого в досрочном освобождении было отказано, и с тех пор Михаил Трепашкин оставался в колонии. Согласно российскому законодательству, Михаил Трепашкин может обратиться с новым прошением об условно-досрочном освобождении не ранее, чем через шесть месяцев после окончания предыдущего слушания по аналогичному вопросу.

«Международная Амнистия» обеспокоена тем, что процедура, связанная с повторным арестом Михаила Трепашкина представителями правоохранительных органов, не являвшихся сотрудниками милиции, без судебной санкции, как кажется, является нарушением российского законодательства и, следовательно, его задержание является произвольным. С учётом впечатления о том, что обращение с Михаилом Трепашкиным носило нетипичный характер, можно утверждать, что российским властям следует представить доказательства законности подобного обращения, с одной стороны, и отсутствия с нём политической мотивированности, с другой.

Жестокое и бесчеловечное обращение с Михаилом Трепашкиным в колонии ИК – 13

Михаил Трепашкин страдает бронхиальной астмой, приступы которой случаются с ним ежедневно; он также страдает дерматозом, сопровождающимся сильным зудом, и болями в области сердца. Тем не менее, согласно ему и его адвокатам, администрация колонии ИК-13 не предоставила ему необходимого медицинского лечения. Как сообщается, зудящий дерматоз развился у него после того, как он провёл 13 дней в ШИЗО по прибытии в колонию в июле, в рамках обычной процедуры при приёме вновь прибывших заключённых. По сообщениям, в то время условия в ШИЗО были чрезвычайно скверными, со скудной пищей и только одной чашкой чая в день в качестве напитка, что вынуждало его пить загрязнённую воду из-под крана в его камере. Михаил Трепашкин также заявляет о том, что со времени его перевода в колонию ИК-13 у него усилилась затруднённая дыхания и обострилась астма. Он подозревает, что вода и воздух в колонии заражены тяжёлыми металлами, поскольку рядом с колонией расположен промышленный объект. По сообщениям, у других заключённых в этой же колонии также развились кожные заболевания, что Михаил Трепашкин относит на счёт плохого качества воды в колонии.

Михаил Трепашкин столкнулся с ограничениями его права на оставление колонии с целью получения медицинской помощи, несмотря на то, что он содержится в колонии-поселении, что означает, что заключённым должно быть разрешено покидать пределы колонии для закупки продуктов питания, лекарств и других предметов в близлежащем городе. В частности, сообщается о том, что в период с 21 сентября по 20 октября 2005 г. Михаилу Трепашкину было отказано в разрешении покинуть территорию колонии для прохождения медицинского освидетельствования и покупки лекарств. Лишь 20 октября Михаилу Трепашкину было, наконец, разрешено оставить территорию колонии ИК-13 и быть осмотренным врачом в Нижнем Тагиле. Врач установил, что Михаил Трепашкин страдает бронхиальной астмой средней тяжести с периодами обострения, а также зудящим дерматозом. Врач рекомендовал госпитализировать Михаила Трепашкина для обследования и прохождения курса лечения. Однако вместо этого, ему лишь однажды, в сопровождении тюремной охраны, было позволено выйти в город для покупки лекарств. По сообщениям, подобного лечения было недостаточно, но Михаилу Трепашкину не было разрешено приобрести больше лекарств, и он не получал никакого дальнейшего медицинского лечения.

Согласно полученной «Международной Амнистией» информации, 17 января 2006 г. Михаил Трепашкин был помещён в ШИЗО на три дня за то, что он повысил голос на тюремного врача. Михаил Трепашкин попросил врача предоставить ему необходимые лекарства. По словам адвоката Михаила Трепашкина, ШИЗО располагался в новом здании, которое плохо отапливалось. Поэтому в ШИЗО было очень холодно: по сообщениям, температура была значительно ниже 16 градусов – минимального показателя, предусматриваемого российскими нормами, поскольку в то время температура воздуха на улице опускалась до минуса 35 градусов Цельсия. 31 января Михаил Трепашкин был снова помещён в ШИЗО, на пять дней, за «систематическое нарушение» правил внутреннего распорядка в колонии. 26 января он, якобы, произнёс грубое ругательство в адрес представителя прокуратуры. Как сообщается, 17 февраля он был помещён в ШИЗО в третий раз, на три дня, предположительно за то, что передал за пределы колонии, в обход администрации, письма с жалобами относительно обращения с ним. Таким образом, организация обеспокоена тем, что помещая Михаила Трепашкина в подобные условия и подвергая опасности его здоровье, тюремный персонал, как кажется, нарушает свою прямую обязанность соблюдать осторожность о заключённых. Особенно, «Международную Амнистию» беспокоят заявления о том, что администрация колонии использует ШИЗО в качестве меры, являющейся частью более масштабных усилий, направленных на запугивание Михаила Трепашкина, с тем чтобы он отозвал свои жалобы в отношении российских властей относительно его уголовного осуждения и обращения с ним в заключении.

«Международная Амнистия» полагает, что подобное обращение с Михаилом Трепашкиным равносильно жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Многодневное содержание заключённых в плохо отапливаемых ШИЗО является нарушением российских обязательств согласно международному праву и стандартам. Статья 10 Стандартных минимальных правил ООН, касающихся обращения с заключёнными гласит: «Все помещения, которыми пользуются заключённые, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причём должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию.»